

DIGITALES ARCHIV

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft
ZBW – Leibniz Information Centre for Economics

Luk'janova, A. L.; Kapeljušnikov, R. I.

Book

Otraslevaja i professional'naja struktura zanjatosti rossijskich rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrasta : = Older workers in the Russian labor market: industrial and occupational composition of employment

Provided in Cooperation with:

National Research University, Moscow

Reference: Luk'janova, A. L./Kapeljušnikov, R. I. (2019). Otraslevaja i professional'naja struktura zanjatosti rossijskich rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrasta : = Older workers in the Russian labor market: industrial and occupational composition of employment. Moskva : Izd. dom Vysšej školy èkonomiki.

This Version is available at:
<http://hdl.handle.net/11159/3081>

Kontakt/Contact

ZBW – Leibniz-Informationszentrum Wirtschaft/Leibniz Information Centre for Economics
Düsternbrooker Weg 120
24105 Kiel (Germany)
E-Mail: [rights\[at\]zbw.eu](mailto:rights[at]zbw.eu)
<https://www.zbw.eu/econis-archiv/>

Standard-Nutzungsbedingungen:

Dieses Dokument darf zu eigenen wissenschaftlichen Zwecken und zum Privatgebrauch gespeichert und kopiert werden. Sie dürfen dieses Dokument nicht für öffentliche oder kommerzielle Zwecke vervielfältigen, öffentlich ausstellen, aufführen, vertreiben oder anderweitig nutzen. Sofern für das Dokument eine Open-Content-Lizenz verwendet wurde, so gelten abweichend von diesen Nutzungsbedingungen die in der Lizenz gewährten Nutzungsrechte.
<https://zbw.eu/econis-archiv/termsfuse>

Terms of use:

This document may be saved and copied for your personal and scholarly purposes. You are not to copy it for public or commercial purposes, to exhibit the document in public, to perform, distribute or otherwise use the document in public. If the document is made available under a Creative Commons Licence you may exercise further usage rights as specified in the licence.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Л. Лукьянова, Р.И. Капелюшников

**ОТРАСЛЕВАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ
РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ
ПРЕДПЕНСИОННОГО
И ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА**

Препринт WP3/2019/04

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2019

УДК 331.538

ББК 65.240

Л 84

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Лукьянова, Анна Львовна, Капелюшников, Ростислав Исаакович.

Л84 Отраслевая и профессиональная структура занятости российских работников предпенсионного и пенсионного возраста [Электронный ресурс] : препринт WP3/2019/04 / А. Л. Лукьянова, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (1 Мб). — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). — 39 с.

В работе рассматриваются особенности профессиональной и отраслевой структуры занятости российских работников пенсионного и предпенсионного возраста. Анализ основывается на микроданных Обследования рабочей силы (ОРС) Росстата России и охватывает период 2005–2017 гг. Направленность общих изменений в профессиональной и отраслевой структуре занятости пожилых совпадала с той, которую демонстрировали другие возрастные группы: это сдвиги от низкоквалифицированной занятости к высококвалифицированной, от физического труда к интеллектуальному, от материального производства к сфере услуг. Отмечается более сильная поляризация профессиональной структуры занятости пожилых, которая смещена, с одной стороны, в пользу наиболее, а с другой — наименее квалифицированных видов занятий. Занятость пожилых резко сократилась в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах при ее значительном увеличении в торговле, образовании и здравоохранении. Хотя в целом структура занятости пожилых является более «традиционалистской», в последние десятилетия она менялась в тех же — условно «прогрессивных» — направлениях, что у других возрастных групп. Это позволяет сделать вывод, что начатое повышение пенсионного возраста, скорее всего, не приведет к заметному росту безработицы среди лиц старшего возраста и что по большей части они окажутся способны трудиться в тех отраслях и профессиях, где раньше основную часть рабочей силы составляли работники младшего и среднего возраста.

УДК 331.538
ББК 65.240

Ключевые слова: старение, работники старшего возраста, занятость пенсионеров, профессии, отраслевая структура занятости

JEL: J14, J21, J24

Лукьянова Анна Львовна (alukyanova@hse.ru), к.э.н., с.н.с. Центра трудовых исследований (ЦетИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва).

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), член-корр. РАН, д.э.н., гл. н.с. Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) имени Е.М. Примакова РАН (Москва), зам. директора ЦетИ НИУ ВШЭ (Москва).

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Лукьянова А. Л., 2019
© Капелюшников Р. И., 2019
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2019

Введение¹

Направление и глубина сдвигов в профессиональной и отраслевой структуре занятости определяются факторами, действующими как на стороне предложения труда (изменения в продолжительности жизни, состоянии здоровья, рост уровня образования, условия начисления пенсий и других социальных пособий), так и на стороне спроса на труд (технологический прогресс, неравномерность развития отраслей и т.д.). Проведенные ранее исследования, охватывавшие работников всех возрастов, показали, что за последние два десятилетия структура российской занятости претерпела кардинальные изменения: увеличилась доля групп высокой квалификации, резко сократилась доля работников ручного труда, рабочая сила активно перераспределялась из сельского хозяйства и промышленности в сферу услуг (Капелюшников, 2017).

Рабочая сила старших возрастов отличается рядом особенностей, которые могут оказывать серьезное влияние на ее возможности адаптироваться к происходящим в экономике изменениям. Это устаревший запас знаний, ухудшение здоровья, дискриминация, проблемы с адаптацией к технологическим инновациям, низкие стимулы к переобучению – причем как со стороны работников, так и со стороны работодателей (Ben-Porath, 1967; Violante, 2002; Autor, Dorn, 2009; Saint-Paul, 2009). Перечисленные факторы снижают производительность труда, повышают риски увольнения и одновременно сокращают возможности нового трудоустройства.

Сравнивая распределение по профессиям и отраслям пожилых работников и работников, принадлежащих к другим возрастным группам, важно иметь в виду, что расхождения между ними могут вызываться многими причинами. Во-первых, принадлежностью к хронологически разным когортам. Когорты, вступавшие на рынок труда в разные исторические периоды, могут отличаться как по полученному ими уровню образования, так и по исходным профессиональным предпочтениям. Различия в первоначальном профессиональном и/или отраслевом выборе, сделанном на старте трудовой карьеры, могут затем сохраняться на всем ее протяжении. Во-вторых, предпочтения работников относительно желательного места работы могут меняться с возрастом. Естественно ожидать, что лица пожилого возраста будут

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

предпочитать занятость в отраслях и профессиях, связанных с меньшей физической нагрузкой, не требующих адаптации к новым технологиям и предоставляющих возможности для более гибкого режима труда. В-третьих, здесь может иметь место эффект отбора. Готовность продолжать трудиться даже после достижения пенсионного возраста у представителей разных профессий и отраслей далеко не одинакова. Те, кто занят на низкоквалифицированных рабочих местах с высокой физической нагрузкой, склонны раньше покидать рынок труда, чем те, кто занят преимущественно интеллектуальным трудом на высококвалифицированных рабочих местах. Эффект отбора может формироваться также за счет позиции работодателей по отношению к работникам старшего возраста (например, работодатели могут быть более склонны к дискриминации в одних отраслях и профессиях, чем в других) и законодательных ограничений на занятие некоторых позиций по достижении определенного возраста. Когортный эффект, эффект возраста и эффект отбора – три разных механизма, ведущих к тому, что распределение по профессиям и отраслям у пожилых и более молодых работников может сильно отличаться.

В этом контексте возникает много вопросов, важных как с аналитической, так и с практической точки зрения. В каких отраслях и профессиях заняты сегодня представители старших поколений? В какой мере их затронул процесс реаллокации рабочей силы? Есть ли в российской экономике «стареющие» отрасли и профессии и что это за отрасли и профессии?

Подобные вопросы приобретают особую актуальность в условиях предстоящего сокращения численности российской рабочей силы, а также ее прогрессирующего старения (Gimpelson, Kapeliushnikov, 2018; Вишневский, Щербакова, 2018). В ближайшие десятилетия когорты лиц пожилого возраста будут становиться все более многочисленными, тогда как когорты лиц младшего и среднего возраста продолжит сокращаться. В какой мере за счет роста занятости среди лиц пожилого возраста российской экономике удастся возместить потери занятости среди лиц рабочих возрастов? Во многом это будет зависеть от того, окажутся ли способны пожилые поколения трудиться в тех отраслях и профессиях, где раньше трудились более молодые поколения. В свете неблагоприятных демографических трендов анализ особенностей профессиональной и отраслевой

структуры занятости российских работников старшего возраста приобретает дополнительное значение.

Наша работа охватывает 2005–2017 гг. и основывается на микроданных Обследования рабочей силы (ОРС) Росстата России. Нами использовались годовые данные, учитывалась только основная работа респондента. С 2016 г. выборка ОРС была расширена за счет снятия верхнего возрастного лимита (72 года) для участия в обследовании. Для обеспечения сопоставимости результатов во времени мы ограничили анализ лицами до 72 лет на всем протяжении рассматриваемого периода.

Для идентификации профессиональной принадлежности работников используется Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ). В последние десятилетия Росстат неоднократно вносил в него изменения, но наиболее принципиальное из них было произведено в 2014 г. в связи с переходом на новую версию классификатора. В данных ОРС эти изменения отражаются с 2016 г. Между старой и новой версиями классификатора имеются существенные расхождения, в том числе на уровне одноразрядной кодировки.

Анализ отраслевой структуры занятости базируется на Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД). В 2014 г. в этот классификатор также были внесены изменения в связи с переходом на ОКВЭД-2. В данных ОРС новый классификатор используется с 2017 г. Заметные количественные изменения – связанные с выделением новых разделов – также отмечаются уже на уровне одноразрядной кодировки. Мы приводили перечень разделов к сопоставимому виду, объединяя отдельные подразделы.

С учетом существенных изменений в классификаторах анализ динамики занятости в разрезе профессий и видов экономической деятельности проводится путем сравнения данных, относящихся к двум граничным временным точкам, – 2005 г. и 2015 г. Данные за 2017 г. используются при обсуждении текущей структуры занятости².

² К сожалению, как показывает наш анализ, использование 2017 г. в качестве конечного года при анализе профессиональной структуры занятости чревато значительными искажениями. Масштаб искажений хорошо виден на рис. 1, где приросты занятости по видам занятий представлены по отношению к уровню 2005 г. По некоторым видам занятий приросты численности занятых за 2005–2017 гг. имеют другие знаки по сравнению с аналогичными показателями за 2005–2015 гг. либо значительно расходятся с ними по величине. Очевидно, что введение нового ОКЗ привело к структурному сдвигу динамического ряда и неполной сопоставимости значений по старому и новому классификаторам. Поэтому данные за 2017 г.

Динамика занятости пожилых: роль демографических факторов и факторов рынка труда

В качестве первого шага нам необходимо обсудить вопрос о направленности и механике изменений в *численности* работников старшего возраста: насколько динамика занятости пожилых отличалась от динамики общей занятости и какие факторы служили ее основным драйвером – демографические изменения или изменения в положении этой группы на рынке труда.

Как показывает табл. 1, за 2005–2017 гг. численность занятых в возрасте 50–72 лет выросла на 30%, или на 4,5 млн человек (с 15,0 до 19,5 млн). За тот же период численность *всех* занятых увеличилась лишь на 3,9 млн. Отсюда следует, что в последние десятилетия старшие поколения служили единственным источником пополнения российской рабочей силы. Занятость лиц младше 50 лет сократилась, причем особенно сильно среди молодежи 15–29 лет. Важно, однако, отметить, что весь прирост занятости в старших возрастах пришелся на период 2005–2015 гг., когда каждую «пятилетку» численность этой группы увеличивалась более чем на 2 млн человек. Однако в последние два-три года этот компенсирующий механизм перестал работать: снижение занятости началось у пожилых.

Динамика занятости определяется действием двух основных факторов. Первый – это изменения в численности населения разного возраста. При прочих равных условиях чем многочисленнее та или иная возрастная группа, тем выше должна быть также и численность работников, которые к ней принадлежат.

Демографы отмечают, что российская половозрастная пирамида имеет очень деформированный характер с изорванными краями и сильной асимметрией между мужчинами и женщинами. Пертурбационные события российской истории предопределили волнообразный характер изменения численности разных возрастных когорт (Демографическая модернизация, 2006). Как видно из табл. 1, даже у очень близких по возрасту групп численность менялась по сильно отличающимся траекториям. При общем приросте численности населения в возрасте 50–72 лет за 2005–2017 гг. на 6,5 млн человек в подгруппе 55–59 лет прирост составил 4,1 млн, а в подгруппе 60–64 лет – 3,7 млн. В то же время в подгруппе 50–54 лет имело место небольшое, а в подгруппе 65–72 лет – сильное снижение занятости (на 1,2 млн

приводятся только как справочные, тогда как основная часть анализа базируется на данных за 2005–2015 гг.

человек). Эта возрастная вариация была равно характерна как для мужчин, так и для женщин.

Второй фактор, от которого зависит динамика численности занятого населения, – изменения в уровнях занятости. Этот показатель характеризует интенсивность вовлеченности населения в занятость и рассчитывается как отношение численности занятых к общей численности населения. Уровень занятости в старших возрастах может меняться под действием множества факторов, которые определяют доступность и привлекательность рабочих мест: общей ситуации на рынке труда, динамики заработных плат, изменений в состоянии здоровья населения, изменений в структуре занятости, реформ пенсионной системы и т.п. Однако анализ конкретных причин изменения уровня занятости пожилого населения выходит за рамки настоящего исследования.

В табл. 2 показаны изменения в уровне занятости для различных возрастных подгрупп. В целом для лиц старшего возраста уровень занятости вырос за 2005–2017 гг. на 3,9 п.п.: с 45,1% в 2005 г. до 49% в 2017 г. Рост вовлеченности в занятость затронул все подгруппы кроме лиц в возрасте 65–72 лет, у которых наблюдалось небольшое снижение. Уровень занятости пожилых вырос как у мужчин (+4,1 п.п.), так и у женщин (+3,5 п.п.).

Таким образом, в 2005–2017 гг. население старше 50 лет находилось под действием двух параллельных процессов: роста общей численности пожилых и повышения их уровня занятости. Оба действовали в направлении увеличения масштабов занятости. Чтобы разделить влияние этих факторов, для 2017 г. мы рассчитали по каждой возрастной группе контрафактическую численность занятых при сценарии сохранения уровней занятости на отметке 2005 г. Эта оценка показывает, какой была бы занятость, если бы численность населения росла теми же темпами, какими она росла в действительности, но групповые уровни занятости не изменились бы по сравнению с 2005 г. Разница между фактической и контрафактической численностью занятых представляет собой чистый вклад демографических факторов в изменение занятости. Соответственно, разница между фактическим приростом занятости и вкладом демографических факторов показывает изменение численности занятых за счет изменений на рынке труда (то есть изменений в уровнях занятости).

Результаты расчета представлены в табл. 1. Изменения в численности занятых за счет факторов рынка труда (в тысячах человек) положительны для всех возрастных подгрупп пожилого населения кроме 65–72-летних, что отражает рост уровня занятости у них на протяжении 2005–2017 гг. Знак изменений в численности занятых за счет демографических факторов соответствует знаку изменения численности населения в той или иной возрастной подгруппе.

Для всего населения старше 50 лет общий прирост занятости на 4,5 млн человек обуславливался прежде всего благоприятными демографическими сдвигами: на 66% (что эквивалентно 2,9 млн человек) он был обеспечен ростом численности соответствующих возрастных когорт. Однако факторы рынка труда также играли важную положительную роль – рост уровня занятости в старших возрастах добавил более 1,5 млн дополнительных работников.

Демографическим факторам принадлежала доминирующая роль во всех возрастных подгруппах пожилого населения кроме 50–54-летних. В подгруппе 55–59 лет благоприятная демография обеспечила почти 88% прироста занятости, в подгруппе 60–64 лет – 72%. В самой старшей подгруппе 65–72 лет, где произошло снижение занятости, основной причиной этого также стало падение численности населения в этом возрасте. Напротив, в подгруппе 50–54 лет весь прирост произошел благодаря более активному выходу ее представителей на рынок труда, то есть росту уровня занятости на фоне негативного влияния демографических факторов.

У мужчин и женщин источники роста численности занятых практически не отличались. У мужчин демографические факторы объясняют 70% прироста занятости в старших возрастах, у женщин – 63%. По отдельным подгруппам также наблюдается схожая картина. Единственное исключение – подгруппа 65–72 лет, где у женщин все снижение занятости может быть отнесено на счет сокращения численности населения в данном возрасте, тогда как у мужчин неблагоприятные демографические изменения и снизившийся уровень занятости несут равную «ответственность» за сокращение занятости.

Наш анализ позволяет сделать достаточно важный вывод. Казалось бы, в условиях значительного расширения контингента пожилых было бы естественно ожидать ухудшения их положения на рынке труда (за счет возросшей конкуренции между ними). Однако этого не произошло: положение пожилых на российском рынке

труда непрерывно улучшалось, что нашло отражение в существенном росте их уровней занятости.

Изменения в профессиональной структуре занятости пожилых

Как показывает табл. 3, за 2005–2015 гг. среди лиц старшего возраста сильнее всего – в 1,8 раза – выросла численность работников торговли и сферы обслуживания. (В этой же группе наблюдался и самый большой абсолютный прирост – 1,1 млн человек.) Численность полуквалифицированных рабочих и руководителей увеличилась почти в 1,5 раза, специалистов среднего и высшего уровня квалификации – более чем на треть, служащих и неквалифицированных рабочих – на 20%. Численность квалифицированных рабочих и работников сельского хозяйства почти не изменилась. Таким образом, в 2005–2015 гг. в старших возрастах занятость, хоть и неравномерно, но росла практически во всех профессиональных группах.

Это разительно отличается от ситуации с работниками других возрастов. Среди лиц младшего и среднего возраста заметный рост занятости отмечался лишь у двух профессиональных групп – руководителей и специалистов высшего уровня квалификации. Во всех синеворотничковых профессиях произошло значительное падение занятости, а в остальных группах она оставалась практически стабильной.

Это, однако, не означает, что работники старшего возраста массово вытеснялись на менее квалифицированные рабочие места. Из 4,8 млн человек прироста занятости в возрасте 50–72 лет за 2005–2015 г. 3,4 млн пришлось на беловоротничковые профессии, в том числе 2,3 млн человек – на профессии руководителей и специалистов. Увеличение контингента пожилых работников наблюдалось в профессиях с растущим спросом, включая те, где увеличивалась численность более молодых работников (мы уже упоминали о руководителях и специалистах высшего и среднего уровней квалификации). В еще одной группе с растущей занятостью – среди работников торговли и сферы обслуживания – практически весь рост спроса был удовлетворен за счет лиц старшего возраста.

Вместе с тем нельзя не отметить и определенные негативные тенденции: речь идет о росте занятости пожилых в профессиях, спрос на которые снижался. Прежде всего это профессии рабочих. Так, среди неквалифицированных рабочих численность занятых моложе 50 лет сократилась за 2005–2015 гг. на 1,1 млн человек, в то время как численность занятых старше 50 лет выросла на 0,4 млн. Среди

квалифицированных рабочих при сокращении занятости более молодых на 1,5 млн человек прирост занятости пожилых составил 0,1 млн. Общий спрос на полуквалифицированных рабочих за рассматриваемый период почти не изменился, однако при этом сокращение занятости среди лиц младше 50 лет оказалось равным по абсолютной величине ее приросту среди лиц старше 50 лет. Кроме того, среди пожилых значительно медленнее сокращалась занятость в группе работников сельского хозяйства: при снижении на 848 тыс. человек у лиц младше 50 лет снижение у лиц старше 50 лет составило всего лишь 37 тыс. Применительно к синеворотничковым профессиям можно говорить о том, что старшие поколения приходят на рабочие места, на которые не идут или которые освобождают молодые поколения. Это едва ли удивительно: молодые работники в среднем более образованны, и недостаток формального образования зачастую мешает лицам старшего возраста успешно конкурировать в профессиях, требующих высокого уровня квалификации. По-видимому, здесь мы имеем дело с результатами прошлого профессионального выбора, который делался старшими поколениями в момент выхода на рынок труда. В 2005–2015 гг. к 50-летнему рубежу подошли многочисленные когорты родившихся в послевоенные десятилетия. Тем не менее суммарно на синеворотничковые профессии пришлось лишь около четверти от общего прироста занятости лиц старше 50 лет.

У пожилых мужчин занятость выросла во всех профессиональных группах, но сильнее всего, причем с большим отрывом, в группе полуквалифицированных рабочих – на 0,84 млн человек (рис. 2). (В целом по всем рабочим профессиям прирост составил 1,19 млн.) Второе и третье места разделили руководители и торговые работники – прибавки по 0,34 млн человек. Таким образом, прирост занятости у пожилых мужчин не отличался высоким качеством. Во-первых, он был сконцентрирован в одной профессиональной группе и, во-вторых, значительная его часть пришлась на группы, на которые рынок труда предъявлял снижавшийся или застойный спрос. Похоже, ухудшение качества занятости стало проблемой прежде всего для мужчин старшего возраста.

У пожилых женщин рост занятости был гораздо более равномерным и в основном приходился на растущие сегменты рынка труда. На примерно одинаковую величину увеличилась их занятость среди торговых работников (на 0,73 млн

человек), специалистов высшего уровня квалификации (на 0,60 млн) и специалистов среднего уровня квалификации (на 0,58 млн).

Сравнение относительных приростов занятости рисует еще более интересную картину. У пожилых мужчин самый высокий темп роста – почти в 2 раза – наблюдался среди работников торговли и сферы обслуживания. Это обстоятельство заслуживает внимания по двум причинам. Во-первых, это непривычная сфера мужской занятости: если в 2005 г. на нее приходилось лишь 4,8% от общей численности работающих мужчин старшего возраста, то в 2015 г. уже 7,1%. Во-вторых, этот сдвиг в пользу сферы обслуживания не затронул мужчин более молодого возраста (отчасти потому, что у них аналогичный процесс активно шел еще до 2005 г.). Отметим, что среди пожилых женщин в относительном выражении также быстрее всего – в 1,8 раза – возросла занятость в группе торговых работников и также на фоне снижения или слабого роста занятости в этой профессиональной группе среди более молодых. Феномен опережающего роста занятости лиц старшего возраста в профессиях сферы обслуживания является отражением изменений в структуре спроса на рабочую силу. Очевидно, работодатели начали охотнее брать лиц старшего возраста, столкнувшись с дефицитом молодежи, готовой занимать рабочие места в торговле и сфере обслуживания. Вместе с тем возросшее присутствие пожилых мужчин в «торговых» профессиях могло иметь вынужденный характер и быть связано с сокращением возможностей для занятости в традиционно мужских профессиях.

В целом по России за период 2005–2015 гг. наибольший относительный прирост общей занятости наблюдался среди специалистов высшего уровня квалификации и руководителей (табл. 3). Самое сильное относительное сокращение испытали группы квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих и сельскохозяйственных работников. Эти данные могут служить в качестве базы для сравнения при анализе изменений в профессиональной структуре занятости лиц старшего возраста.

Такой сравнительный анализ показывает, что трансформация структуры занятости пожилых имела немало особенностей. Самый сильный относительный прирост наблюдался не среди специалистов высшего уровня квалификации, как у лиц младше 50 лет, а среди торговых работников и полуквалифицированных рабочих. В то же время самое сильное относительное снижение отмечалось в тех же

профессиях, что и у более молодых работников, – квалифицированных рабочих, неквалифицированных рабочих и сельскохозяйственных работников. В остальных группах изменения были едва заметны.

Для сравнения интенсивности структурных сдвигов в разных социально-демографических группах нами был рассчитан индекс реструктуризации, который характеризует общий темп изменения занятости без учета того, ведут ли они к более прогрессивной или более архаичной структуре рабочих мест. Расчет производился по формуле

$$I_{restr} = 0,5 * \sum_{i=1}^9 |d_{i,2015} - d_{i,2005}|, \quad (1)$$

где $d_{i,2005}$ и $d_{i,2015}$ – доли i -й профессии в общей занятости в 2005 и 2015 гг. соответственно.

В табл. 4 представлены значения индекса реструктуризации для отдельных социально-демографических групп. У пожилых работников профессиональная структура занятости менялась медленнее, чем у более молодых, о чем свидетельствуют более низкие значения индекса реструктуризации. Во всех возрастных группах перестройка профессиональной структуры шла активнее среди женщин, чем среди мужчин. Сильнее всего она изменилась у группы старше 60 лет, но из-за низких темпов реструктуризации среди 50–59-летних значение индекса реструктуризации для всей группы пожилых работников в целом оказывается более низким, чем для лиц младшего и среднего возраста. (Как будет показано ниже, высокие темпы реструктуризации занятости у лиц старше 60 лет были связаны прежде всего с резким снижением доли сельскохозяйственных работников).

Произошедшие изменения привели к тому, что в настоящее время доля групп с высокой профессиональной квалификацией (руководители, специалисты высшего и среднего уровней квалификации) приближается к половине от общей численности всех занятых (табл. 3). Старшие поколения лишь незначительно отстают в данном отношении от более молодых. При этом среди лиц старшего возраста заметно выше доля руководителей, что отчасти «компенсирует» недопредставленность среди них специалистов высшего уровня квалификации. Эта закономерность прослеживается во всех 5-летних подгруппах пожилых работников. В целом на беловоротничковые профессии нефизического труда в старших возрастах приходится 58% всех занятых (против 65–66% в более молодых возрастах). В результате доля синеворотничковых

профессий оказывается у пожилых работников выше, но и у них нефизический труд уже стал доминирующим видом деятельности, причем этот переход случился в последнее десятилетие.

Доля профессий низкой квалификации (работники сельского хозяйства, неквалифицированные рабочие) в старших возрастах составляет 14% – по сравнению с 9–10% в более молодых. Таким образом, отмеченный выше относительный рост численности пожилых работников в синеворотничковых профессиях не имел драматических негативных последствий. Даже среди работников преклонного возраста (старше 60 лет) доля наименее квалифицированных групп составляет сегодня менее трети занятых, тогда как еще десять лет назад она доходила до половины. Несмотря на отставание старшего поколения по темпам модернизации занятости от более молодых, структура его занятости менялась в сторону увеличения представительства более квалифицированных видов занятий и сокращения представительства занятий, связанных с физическим трудом.

Среди пожилых работников мы обнаруживаем существенные различия в профессиональной структуре занятости для отдельных социально-демографических групп (табл. 5). У мужчин старше 50 лет она резко смещена в сторону неквалифицированных видов занятий: суммарная доля работников сельского хозяйства, неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих достигает 37% (аналогичный показатель для женщин почти вдвое ниже – 20%). Физическим трудом занято 58% пожилых мужчин против 25% у женщин. Свыше половины женщин старше 50 лет, но лишь треть мужчин заняты в профессиях, относящихся к группам высокой профессиональной квалификации.

Неожиданно, но за последние десять лет эти гендерные различия только усиливались. Профессиональная структура женщин старшего возраста интенсивно модернизировалась в направлении увеличения доли наиболее квалифицированных профессий. В то же время у мужчин многие изменения можно охарактеризовать как деградацию профессиональной структуры занятости: снизилась доля квалифицированных рабочих, а доля групп с высокой профессиональной квалификацией выросла всего лишь на 0,3 п.п. Единственным позитивным моментом можно считать сокращение доли профессий, связанных с физическим трудом.

Изменения в отраслевой структуре занятости пожилых

Рисунок 3 иллюстрирует приросты занятости пожилых за 2005–2015 гг. по видам экономической деятельности в сравнении с лицами младшего и среднего возраста³. Из нее видно, что абсолютная численность работников старшего возраста увеличилась во всех отраслях кроме сельского хозяйства и обрабатывающих производств. Но если в сельском хозяйстве снижение занятости было близким к нулю, то в обрабатывающих производствах – очень сильным. Отметим, что именно эти два вида деятельности столкнулись в 2005–2015 гг. с общим снижением спроса на труд – занятость в них сократилась по всей экономике в целом. Но если в сельском хозяйстве оно коснулось и других возрастных групп, то в обрабатывающих производствах было сфокусировано на пожилых. Все остальные отрасли в 2005–2015 гг. наращивали занятость. Главными генераторами рабочих мест выступали деловые услуги, торговля, здравоохранение, строительство и прочие услуги.

Самый большой прирост занятости пожилых отмечалось в торговле: 0,93 млн человек (из общего прироста 4,8 млн человек). Эта прибавка частично компенсировала снижение занятости в торговле со стороны молодежи (–0,15 млн человек), но все же большая ее часть пришлось на «новые» рабочие места. Мощным источником роста занятости в старших возрастах служили также бюджетные отрасли – образование и здравоохранение. В образовании численность пожилых работников увеличилась на 0,77 млн человек, в здравоохранении – на 0,65 млн. К пенсионному возрасту в этих отраслях подошли многочисленные когорты, которые в силу разных причин не спешат уходить с рынка труда. В образовании они частично компенсируют относительный «отток» более молодых работников. Однако в здравоохранении снижения численности более молодых работников не наблюдалось: активное расширение спроса на услуги здравоохранения создавало возможности для сохранения занятости лиц старшего возраста. Три вида деятельности – торговля, образование и здравоохранение – обеспечили почти половину прироста занятости лиц в возрасте 50–72 лет.

³ Категория «Прочие услуги» включает следующие разделы ОКВЭД: «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг», «Деятельность домашних хозяйств» и «Деятельность экстерриториальных организаций». Последние два вида деятельности крайне невелики и поэтому рассматривать их отдельно не имеет смысла. Разделы «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» и «Рыболовство, рыбоводство» объединены в одну категорию, которую мы для краткости будем называть сельским хозяйством.

Транспорт и связь добавили еще 0,48 млн дополнительных рабочих мест для пожилых работников. В государственном управлении прирост составил 0,40 млн человек, в деловых услугах – 0,37 млн, в строительстве – 0,36 млн.

Еще одно важное наблюдение состоит в том, что структура занятости пожилых непрерывно смещалась в пользу сервисных видов деятельности: из общего прироста в 4,8 млн человек 4,2 млн (87%) пришлось на отрасли сферы услуг. И все же старшее поколение отставало по темпам перетока занятости из материального производства в сферу услуг: среди лиц младшего и среднего возраста сфера материального производства несла как абсолютные, так и относительные потери. Основная причина этих различий заключалась в том, что среди пожилых в 2005–2015 гг. не наблюдалось такого массового «исхода» из сельского хозяйства, как среди прочих возрастных групп. В старших возрастах этот процесс начался с задержкой: начиная лишь с 2015 г. Росстат фиксирует значительное сокращение сельскохозяйственной занятости среди пожилых, что, впрочем, может быть статистическим артефактом, связанным с переходом на ОКВЭД-2 и изменениями в методологии учета занятости лиц, производящих товары и услуги для собственного потребления⁴.

Фактор «компенсации» убыли более молодых работников более пожилыми действовал в четырех секторах: государственном управлении, образовании, торговле, транспорте и связи (правда, в последнем случае сокращение занятости лиц моложе 50 лет было совсем незначительным). Государственное управление, образование и торговля (наряду с сельским хозяйством и обрабатывающими производствами) теряли свою сравнительную привлекательность для 15–29-летних. Образование и транспорт (наряду с сельским хозяйством и обрабатывающими производствами) стали менее привлекательными для 30–49-летних. Во всех остальных секторах занятость пожилых росла параллельно с ростом занятости других возрастных групп.

⁴ Согласно решениям 19-й МКСТ, в категорию «занятость» теперь не включается трудовая деятельность по производству товаров и услуг для собственного использования (учитывается только та деятельность, которая предполагает хотя бы частичную реализацию продукции на рынке). Внедрение Росстатом новых стандартов привело к небольшому снижению численности занятого и увеличению численности безработного населения, а также населения, не входящего в состав рабочей силы. Для всего населения в целом эти корректировки едва заметны, но значительны для отдельных групп, в наибольшей мере вовлеченных в производство товаров и услуг для собственного потребления, – сельских жителей и лиц старшего возраста.

Сопоставление относительных приростов занятости между различными возрастными группами (рис. 4) показывает, что в старших когортах, за исключением сельского хозяйства и обрабатывающих производств, «провалов» в росте занятости не наблюдалось. При этом самый высокий относительный рост в 2005–2015 гг. демонстрировал гостиничный бизнес (в 1,8 раза). На втором месте находилась торговля (рост в 1,7 раза), на третьем – прочие услуги (рост в 1,6 раза). В остальных секторах занятость пожилых увеличилась в 1,3–1,6 раз. Таким образом, масштабные вливания рабочей силы старшего возраста и связанные с этим изменения возрастной структуры занятости затронули практически все отрасли экономики. Работодатели были вынуждены приспосабливаться к этим сдвигам, даже если не сознавали глубину происходящей трансформации.

У 15–29-летних и 30–49-летних работников лидером по темпам роста являлись финансы, где таких работников стало больше в 1,8 и 1,6 раза соответственно. Хотя у пожилых этот вид деятельности не был приоритетным, тем не менее численность занятых в финансовой деятельности увеличилась у них в 1,6 раза. Схожая ситуация, пусть и при более низких темпах роста, наблюдалась в других быстро расширявшихся секторах – гостиничном бизнесе и прочих услугах. Иными словами, даже в отраслях, которые наиболее активно привлекали молодых работников, занятость пожилых росла сопоставимыми темпами.

Отраслевая реструктуризация женской занятости в старших возрастах шла заметно быстрее, чем мужской, о чем говорят более высокие значения индекса отраслевой реструктуризации для женщин (см. нижнюю панель табл. 4). По ее интенсивности пожилые женщины обгоняли не только ровесников-мужчин, но и более молодых женщин. Изменения в отраслевой структуре женской занятости старших возрастов носили прогрессивный характер и следовали за изменениями в спросе на рабочую силу. В отличие от этого изменения в отраслевой структуре мужской занятости в ряде случаев шли вразрез с общими тенденциями на рынке труда. Так, в 2005–2015 гг. у них наблюдался рост занятости в сельском хозяйстве и практически нулевое снижение занятости в обрабатывающих производствах.

Именно рост занятости женщин обеспечил резкое увеличение доли работников старшего возраста в торговле, здравоохранении и образовании. Это крупные отрасли с традиционно высоким представительством женщин (на них пришлось почти три четверти суммарного прироста занятости женщин старше

50 лет). Важно отметить, что прирост занятости пожилых женщин в торговле, здравоохранении и образовании значительно превысил прирост занятости в этих отраслях у женщин, принадлежащих к другим возрастным группам, так что сдвиг в пользу этих отраслей не удастся приписать действию одних только демографических факторов. У пожилых мужчин основные источники расширения занятости были связаны с традиционными «мужскими» видами деятельности – транспортом и строительством. Но третье место в этом списке занимала торговля. При этом рост занятости пожилых мужчин был менее концентрирован с точки зрения отраслевой структуры: вклад трех отраслей-лидеров составил менее половины от общего прироста их занятости. Заметно увеличилось представительство мужчин 50–72 лет также в деловых услугах, государственном управлении, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды.

Для разных подгрупп пожилого населения перестройка отраслевой структуры занятости шла на разных скоростях. Самыми радикальными перемены оказались для старших подгрупп: 60–64 лет и 65–72 лет (рис. 5). У работников преклонного возраста (65–72 лет) ключевым фактором было сокращение занятости в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах. В остальных возрастных подгруппах доминирующую роль играл неравномерный рост занятости по отдельным отраслям. Две подгруппы – 55–59 лет и 60–64 лет – вообще не испытали снижения занятости ни в одном из секторов. Универсальным трендом для всех подгрупп (исключая лиц преклонного возраста) было значительное расширение занятости в торговле, здравоохранении и образовании. В относительном выражении наибольший выигрыш получили торговля, гостиничный бизнес, финансы и государственное управление.

В результате за десятилетие с 2005 по 2015 г. отраслевая структура занятости пожилых стала принципиально иной (табл. 6). Несмотря на то, что обрабатывающая промышленность продолжает оставаться для работников старшего возраста самым крупным работодателем, ее позиции сильно пошатнулись. Доля обрабатывающих производств в общей занятости лиц старше 50 лет сократилась с 20,8% в 2005 г. до 15% в 2017 г. В 2005 г. сельское хозяйство было вторым по значимости сектором занятости для пожилых работников. В настоящее время оно оттеснено по значимости на шестую-седьмую позицию (его доля в занятости пожилых уменьшилась до 7,7%). В то же время заметно увеличилась значимость сферы услуг. В 2017 г. 65% занятых в возрасте старше 50 лет трудились в сервисных отраслях, тогда как в 2005 г. этот

показатель составлял менее 55%. В настоящее время второе место в структуре занятости пожилых принадлежит образованию, доля которого составляет 11,9%. Вплотную к этим значениям приблизилась торговля, где в 2017 г. было занято 11,8% работников 50–72 лет. В ближайшие годы она имеет все шансы выйти в абсолютные лидеры, как это уже произошло в случае младших и средних возрастов.

Как и можно было бы ожидать, отраслевая структура занятости пожилых чрезвычайно неоднородна (табл. 7). За 2005–2015 гг. заметно усилилась гендерная сегментация: в 2005 г. распределение мужчин и женщин старшего возраста по отраслям было более близким, чем в 2015 г. или 2017 г. Усиление гендерной сегментации происходило за счет усиления концентрации женщин в типично женских и мужчин – в типично мужских видах деятельности. Кроме того, сама структура занятости смещалась в пользу отраслей с высоким уровнем сегрегации (торговля, образование, здравоохранение).

Как меняется профессиональная и отраслевая структура занятости после выхода на пенсию?

Как меняется структура занятости после достижения работниками пенсионного возраста? В отечественной литературе этот вопрос, несмотря на его важность, никогда не рассматривался. Естественно, пенсионный возраст – это довольно условный рубеж. В российских условиях значительная доля работников имеет право на досрочную пенсию и покидают рынок труда раньше стандартной планки пенсионного возраста. Однако, как видно из табл. 2, именно после ее достижения как у мужчин (60 лет), так и у женщин (55 лет) происходит первый резкий спад в уровне занятости. С точки зрения анализа профессиональной и отраслевой структуры важно понять, у каких групп работников достижение пенсионного возраста совпадает с уходом с рынка труда, а какие группы задерживаются на рынке труда дольше, а кроме того, сколько из них после этого меняют профессию и/или отрасль, где протекала их предыдущая трудовая деятельность.

Данные ОРС не являются панельными, поэтому полноценный эконометрический анализ мобильности с их использованием не представляется возможным. Вместо этого мы воспользуемся простым аналитическим приемом, сравнивая между собой распределения занятости работников чуть моложе и чуть

старше пенсионного возраста: женщин 53–54 лет с женщинами 55–56 лет и мужчин 58–59 лет с мужчинами 60–61 лет. Анализ проводится в рамках одного года, исходя из предпосылки, что распределение остальных наблюдаемых и всех ненаблюдаемых характеристик не меняется существенным образом по достижении пенсионного возраста, а если и меняется, то исключительно под воздействием этого фактора. Другими словами, мы предполагаем, что во всех остальных отношениях кроме права на получение пенсии лица чуть моложе и чуть старше пенсионного возраста в среднем не отличаются между собой. Это правдоподобное предположение, учитывая, что мы рассматриваем очень узкие возрастные интервалы. Подобный подход является простым вариантом метода разрывного дизайна, который широко используется в современной экономической литературе для оценки эффекта воздействия. Расчеты проводились отдельно по мужчинам и женщинам для двух лет – 2005 г. и 2017 г.

Для сравнения пред- и постпенсионной структур занятости был рассчитан индекс диссимилиации Дункана, который широко используется в литературе для оценки степени профессиональной сегрегации. Формула для расчета индекса диссимилиации похожа на приведенную выше формулу темпа реструктуризации с той разницей, что используются данные не за разные периоды времени, а для разных групп работников за один и тот же период времени:

$$ID = 0,5 * \sum_{i=1}^9 |d_{it}^1 - d_{it}^2|, \quad (2)$$

где d_{it}^1 и d_{it}^2 – доли i -й профессии в общей занятости по двум сравниваемым группам в период t . Индекс диссимилиации показывает, какая доля работников в каждой из групп должна была бы сменить профессиональную принадлежность, чтобы достичь одинакового распределения по профессиям.

Результаты расчетов представлены в табл. 8 и 9. И у мужчин, и у женщин достижение пенсионного возраста ведет к резкому снижению уровня занятости. Кроме того, и у тех и у других «цена» достижения пенсионного возраста в промежутке между 2005 и 2017 гг. заметно повысилась. В 2005 г. разница между предпенсионерами и постпенсионерами составляла у мужчин 19,4 п.п., но к 2017 г. увеличилась до 24 п.п. У женщин достижение пенсионного возраста в 2005 г. вело к снижению уровня занятости на 14,9 п.п., но в 2017 г. – уже на 18 п.п. В обоих случаях причина увеличения «пенсионного» эффекта кроется в заметном увеличении

за 2005–2017 гг. уровня занятости в предпенсионных возрастах. Уровень занятости в постпенсионных возрастах хотя и вырос, но намного слабее.

С достижением пенсионного возраста связаны и изменения в профессиональной структуре занятости. Как у мужчин, так и у женщин эффекты структурных изменений были ощутимо сильнее в 2005 г., чем в 2017 г., на что, в частности, указывает снижение индекса диссимилиации. В 2005 г. меньшая доля работников покидала рынок труда по достижении пенсионного возраста, но уход с рынка или смена профессии были более неравномерно распределены по видам занятий. К 2017 г. неравномерность сглаживается – пред- и постпенсионная структуры занятости становятся более похожи между собой, хотя сейчас больше людей, достигнув планки пенсионного возраста, стали покидать рынок труда.

У мужчин достижение пенсионного возраста связано прежде всего со снижением доли полуквалифицированных рабочих и увеличением доли специалистов высшего уровня квалификации. Получив право на пенсию, полуквалифицированные рабочие с большей вероятностью, чем представители других групп, склонны прекращать трудовую деятельность. И наоборот, специалисты высшего уровня квалификации более склонны продолжать трудиться и после достижения пенсионного возраста. Оба эти эффекта мы видим и в 2005 г., и в 2017 г. Прочие эффекты менее устойчивы во времени. Так, в 2005 г. выход мужчин на пенсию влек за собой переход к работе в сельском хозяйстве. В 2017 г. этот эффект стал намного слабее. Аналогичным образом в 2005 г. по достижении 60 лет у мужчин увеличивалась вероятность занятости в качестве неквалифицированных рабочих, тогда как в 2017 г., наоборот, происходило ее снижение. Можно сделать вывод, что выход мужчин на пенсию стал реже связан со стрессовым транзитом в группы работников низкой квалификации.

У женщин к 2017 г. различия между пред- и постпенсионной профессиональной структурами занятости практически исчезли. Из значимых эффектов можно указать лишь на то, что по достижении пенсионного возраста женщины реже уходят с позиций специалистов высшего уровня квалификации и руководителей. Пятилетний разрыв в пенсионных возрастах по сравнению с мужчинами позволяет женщинам дольше задерживаться на рынке труда и способствует растягиванию времени фактического выхода на пенсию, поэтому мы не наблюдаем резких скачков в структуре занятости.

Сглаживание коснулось и отраслевой структуры занятости. В 2005 г. в постпенсионном возрасте мы видим заметное увеличение доли сельского хозяйства (у мужчин), здравоохранения, обрабатывающей промышленности, деятельности по производству и распределению электроэнергии, газа и воды (у мужчин) при снижении доли транспорта (у мужчин), строительства (у мужчин), торговли (у женщин). В 2017 г. у женщин все различия между пред- и постпенсионной структурами занятости находятся в пределах 1 п.п. У мужчин сохраняется эффект снижения доли занятых на транспорте и в строительстве. Кроме того, у мужчин достижение пенсионного возраста в 2017 г. вело к увеличению доли занятых в деловых услугах и образовании. Однако и у мужчин сила этих эффектов стала заметно ниже.

Подводя итоги, можно сказать, что в настоящее время достижение планки пенсионного возраста ведет к резкому снижению уровня занятости, но оказывает достаточно слабое влияние на профессиональную и отраслевую структуру занятости, особенно у женщин. По крайней мере, на уровне одноразрядной кодировки не просматривается профессий или отраслей, в которых достижение пенсионного возраста вело бы к непропорционально высокому выбытию или, наоборот, притоку работников.

Когортный анализ

До сих пор мы сравнивали между собой одни и те же возрастные группы за разные годы. Но данные ОРС позволяют также проследить изменения во времени в структуре занятых по отдельным возрастным когортам. Для этого мы проанализировали, как изменилась за 10 лет структура занятости тех, кому было 40–44 года в 2005 г., сравнив их с теми, кому в 2015 г. было 50–54 года, и так далее со сдвигом в пять лет вплоть до тех, кому было 55–59 лет в 2005 г. и 65–69 лет в 2015 г. Следует подчеркнуть, что это не одни и те же индивиды, а условные когорты, и что сдвиги в структуре занятости внутри таких когорт могут быть связаны с действием как эффекта возраста, так эффекта отбора.

В табл. 10 показано, как изменилась профессиональная структура занятости в каждой из выделенных когорт за прошедшие 10 лет. Из этих данных видно, как с возрастом нарастает поляризация занятости вплоть до 65 лет, а затем происходит

резкое ухудшение ее структуры. У женщин эти процессы начинаются несколько раньше, и точка перелома находится где-то в районе между 60 и 64 годами.

Тем, кому в 2005 г. было 40–44 года, к 50–54 годам удалось заметно улучшить структуру занятости: среди них выросла доля высококвалифицированных работников и сократилась доля синеворотничковых профессий. Это совпадает по времени с общей модернизацией профессиональной структуры занятости. В группе тех, кому в 2005 г. было 45–49 лет (55–59 лет в 2015 г.), апгрейдинг сменяется усилением поляризации. У мужчин это выражается в замедлении роста доли руководителей, увеличении доли торговых работников и неквалифицированных рабочих. Вместе с тем в целом у мужчин динамика сохраняет положительный знак – сокращается доля занятых в профессиях, связанных с физическим трудом, включая сельскохозяйственных работников, и растет доля специалистов высшего уровня квалификации. Женщины, достигнув этого возраста, получают право на пенсию. Среди них тенденция к поляризации выражена еще сильнее, что проявляется в росте доли занятых в неквалифицированных видах занятий при одновременном росте доли специалистов высшего уровня квалификации и руководителей. У мужчин аналогичное усиление поляризации становится заметным после 60 лет.

Среди женщин, достигших к 2015 г. 60 лет, наблюдался резкий всплеск поляризации прежде всего за счет вымывания представителей среднеквалифицированных профессий, а также взрывного роста доли сельскохозяйственных работников и неквалифицированных рабочих. При этом доля групп высокой квалификации продолжает расти. По достижении 65 лет тенденции ухудшения структуры только усиливаются. Доля занятых уменьшается, а среди остающихся на рынке труда большинство оказывается занято неквалифицированным трудом. У мужчин наблюдаются схожие процессы, но с лагом примерно в 5 лет. Одновременно мы видим, что отмеченные изменения в структуре занятости не происходят одномоментно по достижении пенсионного возраста, но охватывают более длительный период: именно поэтому, анализируя в предыдущем разделе двухлетние интервалы вблизи пенсионного возраста, нам не удалось обнаружить резких сдвигов.

В табл. 11 рассматриваются изменения в отраслевой структуре занятости для тех же пятилетних когорт. Гендерные различия в этом случае менее заметны. С возрастом происходит резкое сокращение занятых в промышленности,

строительстве и на транспорте. У тех, кто к 2015 г. только вошел в предпенсионный возраст, эти изменения еще не столь заметны (кроме сокращения доли занятых в обрабатывающих производствах), но со временем они все больше набирают обороты. Предприятия обрабатывающей промышленности активно покидают даже работники предпенсионного возраста. Одновременно увеличивается доля занятых в образовании, здравоохранении и прочих услугах, где работники старшего возраста склонны задерживаться и после получения статуса пенсионера. Среди мужчин мы также видим, что с возрастом наблюдается увеличение доли занятых в сфере недвижимости и деловых услуг (в этот раздел входит также научная деятельность). Сельское хозяйство не обладает привлекательностью до 60 лет у женщин и до 65 лет у мужчин, однако затем превращается в основную сферу деятельности. Впрочем, в этом нет парадокса: в первом случае речь идет о занятости по найму, а во втором – о самозанятости.

В целом когортный анализ структурных изменений подтверждает те выводы, которые были сделаны ранее при рассмотрении возрастных групп. Это предполагает, что эффект возраста и эффект отбора, которые мы не можем разделить в рамках нашего простого описательного анализа, преобладают над когортным эффектом: в настоящее время старшего возраста начинают уже достигать когорты, которые большую часть своей трудовой жизни провели в условиях рыночной экономики.

Заключение

Как показал наш анализ, направленность общих изменений в профессиональной и отраслевой структуре занятости пожилых совпадала с той, которую демонстрировали другие возрастные группы. Это – сдвиги от низкоквалифицированной занятости к высококвалифицированной, от физического труда к интеллектуальному, от материального производства к сфере услуг. Аналогичные тренды характерны сегодня для большинства стран – как развитых, так и постсоциалистических. В самых общих терминах их можно охарактеризовать как переход от индустриальной к постиндустриальной структуре занятости, причем, как показывают имеющиеся данные, российская экономика продвинулась по этому пути уже достаточно далеко и не слишком сильно отстает от стран-лидеров.

Профессиональная структура занятости у лиц старшего возраста поляризована сильнее, чем у лиц младшего и среднего возраста. Она смещена,

с одной стороны, в пользу наиболее квалифицированных (руководители), а с другой – в пользу, наименее квалифицированных (сельскохозяйственные работники, неквалифицированные рабочие) профессиональных групп. При этом чем старше возраст пожилых работников, тем сильнее поляризация. Однако эти расхождения являются скорее наследием прошлого, чем достоянием настоящего, поскольку в группе пожилых прирост численности руководителей был ниже, а сокращение численности сельскохозяйственных работников намного выше, чем в целом по всем занятым. Иными словами, с течением времени поляризация профессиональной структуры у пожилых постепенно сглаживалась.

Две доминирующие тенденции отличали динамику профессиональной структуры занятости: это, во-первых, рост доли специалистов высшего уровня квалификации и, во-вторых, рост доли работников сферы обслуживания и торговли. Первой из этих тенденций пожилые работники оказались затронуты в меньшей, но второй – в значительно большей степени, чем более молодые. В целом можно утверждать, что профессиональная структура занятости лиц старшего возраста оставалась более инертной, более «традиционалистской» и более «синеворотничковой».

Вместе с тем нет оснований полагать, что работники старшего возраста массово вытеснялись на менее квалифицированные рабочие места. Из абсолютного прироста занятости в 4,8 млн человек среди лиц старше 50 лет за 2005–2015 г. 3,4 млн человек пришлось на беловоротничковые профессии, в том числе 2,3 млн человек – на профессии руководителей и специалистов.

Важнейшей отличительной характеристикой отраслевой структуры российской рабочей силы было резкое сжатие занятости в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности. Эта тенденция обозначилась еще в 1990-е годы и продолжилась в 2000-е. В данном отношении пожилые работники находились полностью «в тренде»: потери рабочих мест в сельском хозяйстве составили у них –3 п.п., а в обрабатывающей промышленности –6 п.п.(!). Важно отметить, что сокращение занятости в обрабатывающей промышленности шло у старших возрастов со значительным опережением по сравнению со всеми другими возрастными группами.

Главными «бенефициарами» с точки зрения наращивания числа рабочих мест выступали у пожилых три отрасли: торговля; образование; здравоохранение.

Несмотря на это, вовлеченность работников старшего возраста в сферу торговли все еще сильно отстает от вовлеченности в нее работников младшего и среднего возраста. В то же время «лидерство» пожилых по доле занятых в образовании и здравоохранении в последнее время только возрастало. Хотя их занятость росла также в государственном управлении, происходило это все же медленнее, чем у лиц среднего возраста.

В целом за рассматриваемый период соотношение между занятостью пожилых в материальном производстве и их занятостью в сфере услуг сместилось на 8 п.п. в пользу последней. Тем не менее масштабы перераспределения рабочей силы из отраслей материального производства в отрасли сферы услуг были у старших поколений ниже, чем у лиц младшего или среднего возраста. Опять-таки можно утверждать, что отраслевая структура занятости у пожилых являлась более инертной и более «традиционалистской».

Поводя итоги, можно сказать, что хотя занятость среди пожилых остается более «традиционалистской», в последние десятилетия она менялась в тех же – условно «прогрессивных» – направлениях, что у других возрастных групп. Это позволяет предполагать, то начатое повышение пенсионного возраста не приведет к росту безработицы среди пожилых: скорее всего, она останется примерно на том же уровне, что и в настоящее время. Вместе с тем структура занятости лиц старшего возраста с высокой вероятностью ухудшится, так как менее квалифицированные работники, занятые физическим трудом, будут вынуждены дольше оставаться на рынке труда. Однако это ухудшение едва ли окажется значительным. Кроме того, это в известной мере позволит компенсировать нежелание основной массы молодых работников заниматься подобными малопривлекательными видами труда.

Литература

- Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. (2018) Демографические тормоза экономики // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 48–70.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000. (2006) / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство.
- Капелюшников Р.И. (2017) Эволюция профессиональной структуры российской рабочей силы // Профессии на российском рынке труда / под ред. Н.Т. Вишневской. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Autor D.H., Dorn D. (2009) This job is “getting old”: measuring changes in job opportunities using occupational age structure // American Economic Review. Vol. 99. No. 2. P. 45–51.
- Ben-Porath Y. (1967) The production of human capital and the life cycle of earnings // Journal of Political Economy. Vol. 75. No. 4. P. 352–365.
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R. (2018). Age and education in the Russian labour market // Torbjörn B., Oxenstierna S. (eds) The Russian Economy Under Putin. L.: Routledge. P. 121–148.
- Saint-Paul G. (2009). Does the welfare state make older workers unemployable? IZA Working Paper No. 4440.
- Violante G. (2002) Technological acceleration, skill transferability and the rise in residual inequality // Quarterly Journal of Economics. Vol. 117. No. 1. P. 297–338.

Таблица 1. Декомпозиция изменения численности занятого населения по возрастным группам, тыс. чел.

	15-29	30-49	50-72	в том числе				Все занятые
	лет	лет	лет	50-54 лет	55-59 лет	60-64 лет	65-72 лет	
Все население								
Изменение численности всего населения	-7435	-428	6507	-66	4066	3709	-1202	-1356
Изменение численности занятого населения	-1741	1240	4473	565	2742	1359	-193	3973
в том числе за счет:								
изменения уровня занятости	1794	1602	1536	617	324	383	-53	4802
демографии	-3535	-362	2937	-52	2418	976	-139	-829
в процентах								
изменение уровня занятости	-103	129	34	109	12	28	28	121
демография	203	-29	66	-9	88	72	72	-21
Женщины								
Изменение численности всего населения	-3799	-336	3469	-82	2256	2131	-836	-666
Изменение численности занятого населения	-930	182	2162	307	1239	692	-77	1414
в том числе за счет:								
изменения уровня занятости	726	461	803	369	106	252	1	1794
демографии	-1657	-279	1359	-62	1133	440	-78	-380
в процентах								
изменение уровня занятости	-78	253	37	120	9	36	-2	127
демография	178	-153	63	-20	91	64	102	-27
Мужчины								
Изменение численности всего населения	-3636	-92	3038	16	1810	1578	-366	-690
Изменение численности занятого населения	-810	1058	2312	258	1502	667	-116	2560
в том числе за счет:								
изменения уровня занятости	1058	1137	688	245	214	119	-60	3013
демографии	-1869	-79	1624	13	1289	548	-56	-453
в процентах								
изменение уровня занятости	-131	107	30	95	14	18	51	118
демография	231	-7	70	5	86	82	49	-18

Таблица 2. Уровень занятости по возрастным группам и полу, %

	15-29 лет	30-49 лет	50-72 лет	в том числе				Все занятые
				50-54 лет	55-59 лет	60-64 лет	65-72 лет	
Все население								
2005	47,5	84,5	45,1	78,5	59,5	26,3	11,6	61,1
2015	53,4	87,2	50,9	83,0	62,0	30,8	11,7	65,3
2017	54,0	88,3	49,0	84,5	62,4	30,4	11,0	65,5
Изменение, п.п. (2005-2017 гг.)	6,5	3,7	3,9	6,0	2,9	4,1	-0,6	4,4
Женщины								
2005	43,6	83,2	39,2	76,4	50,2	20,6	9,3	57,0
2015	48,1	84,1	44,9	81,6	52,3	25,9	10,2	60,1
2017	49,0	85,3	42,7	83,0	52,0	25,2	9,4	60,1
Изменение, п.п. (2005-2017 гг.)	5,4	2,1	3,5	6,6	1,7	4,5	0,0	3,1
Мужчины								
2005	51,4	85,9	53,4	81,1	71,2	34,8	15,4	65,7
2015	58,4	90,4	59,0	84,7	74,6	37,9	14,2	71,1
2017	58,9	91,4	57,5	86,2	75,5	37,8	13,7	71,5
Изменение, п.п. (2005-2017 гг.)	7,5	5,4	4,1	5,1	4,4	3,1	-1,8	5,8

Таблица 3. Профессиональная структура занятости в разрезе возрастных групп, %, 2017 г.

	15-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	в том числе			
				50-54 лет	55-59 лет	60-64 лет	65-72 лет
Руководители	3,2	7,3	8,6	8,5	8,7	9,3	7,8
Специалисты высшего уровня квалификации	25,7	25,4	21,3	21,9	20,0	21,8	23,2
Специалисты среднего уровня квалификации	14,5	13,2	12,3	12,9	12,0	12,0	10,3
Служащие	3,6	3,2	3,1	3,2	3,0	2,9	2,6
Работники сферы обслуживания	19,3	15,7	13,1	14,0	12,4	12,5	12,1
Работники с/х	2,4	2,0	3,3	2,7	3,0	4,2	9,1
Квалифицированные рабочие	12,8	13,4	13,3	13,2	14,4	12,3	9,5
Операторы	10,5	12,7	14,2	14,5	15,9	11,8	6,9
Неквалифицированные рабочие	8,0	7,1	10,8	9,2	10,6	13,2	18,5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. С учетом перехода на ОКЗ-2014.

Таблица 4. Индекс реструктуризации, 2005–2015 гг.

Группа	50-72 лет	15-29 лет	30-49 лет	Другие возрастные группы
А. Профессиональная структура занятости				
Все занятые	6,7	8,6	8,1	
Женщины	7,6	9,8	9,5	
Мужчины	7,0	8,0	7,5	
50-54 лет				6,6
55-59 лет				6,7
60-64 лет				12,4
65-72 лет				10,3
Б. Отраслевая структура занятости				
Все занятые	9,0	9,3	7,9	
Женщины	11,1	9,5	9,5	
Мужчины	9,8	10,9	8,6	
50-54 лет				8,8
55-59 лет				8,3
60-64 лет				12,4
65-72 лет				12,4

Таблица 5. Распределение занятого населения в возрасте 50–72 лет по группам занятий

	Структура занятости, 2017 г., %*		Сдвиги в структуре занятости (2005-2015 гг.), п.п.	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Руководители	7,3	10,0	1,2	0,7
Специалисты высшего уровня квалификации	27,9	14,6	0,9	-0,6
Специалисты среднего уровня квалификации	16,3	8,3	1,2	0,2
Служащие	5,3	0,9	-0,5	0,0
Работники сферы обслуживания	18,4	7,8	4,1	2,4
Работники сельского хозяйства	3,3	3,4	-2,7	-1,2
Квалифицированные рабочие	5,1	21,5	-2,2	-4,6
Операторы	3,3	25,1	-0,6	3,7
Неквалифицированные рабочие	13,2	8,3	-1,6	-0,6

* С учетом перехода на ОКЗ-2014.

Таблица 6. Структура занятости по видам экономической деятельности в разрезе возрастных групп, 2017 г., %

Вид деятельности	15-29 лет	30-49 лет	50-72 лет	в том числе			
				50-54 лет	55-59 лет	60-64 лет	65-72 лет
Сельское хозяйство и рыболовство	5,0	5,2	7,7	7,1	7,8	8,0	11,5
Добыча полезных ископаемых	2,2	2,3	1,9	2,2	2,1	1,3	0,9
Обрабатывающие производства	13,1	14,3	14,9	15,1	15,5	13,6	12,2
Электроэнергия, газ, вода	2,3	3,2	4,5	4,1	4,8	4,7	4,1
Строительство	7,5	7,7	6,4	6,6	7,0	5,3	4,1
Торговля, ремонт автотранспорта	20,2	16,5	11,8	13,3	11,1	9,7	8,7
Гостиницы и рестораны	3,8	2,3	2,0	2,2	2,0	1,8	1,3
Транспорт и связь	10,1	10,6	10,1	10,4	10,7	9,0	6,7
Финансовая деятельность	3,4	2,3	1,2	1,4	1,1	0,9	0,9
Недвижимость, деловые услуги	6,7	7,0	7,8	6,9	7,9	9,9	10,1
Государственное управление	8,5	7,6	5,4	5,7	5,3	5,3	3,7
Образование	7,0	9,2	11,9	11,3	11,1	13,9	17,1
Здравоохранение	5,8	7,6	10,1	9,6	9,5	11,7	12,9
Прочие услуги	4,6	4,3	4,2	4,0	4,1	4,9	5,9

Примечание. С учетом перехода на ОКВЭД-2.

Таблица 7. Распределение занятого населения в возрасте 50–72 лет по видам деятельности

Вид деятельности	Структура занятости, 2017 г., %*		Сдвиги в структуре занятости (2005-2015 гг.), п.п.	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Сельское хозяйство и рыболовство	5,2	10,2	-3,6	-2,6
Добыча полезных ископаемых	0,7	3,2	-0,1	0,5
Обрабатывающие производства	12,1	17,7	-5,1	-6,6
Электроэнергия, газ, вода	2,5	6,5	0,2	1,1
Строительство	2,0	10,9	-0,6	1,3
Торговля, ремонт автотранспорта	15,5	8,0	3,4	1,5
Гостиницы и рестораны	3,3	0,8	0,9	0,2
Транспорт и связь	5,3	14,9	-1,2	1,6
Финансовая деятельность	1,6	0,8	0,4	0,1
Недвижимость, деловые услуги	6,5	9,2	-0,5	0,8
Государственное управление	5,4	5,5	0,6	1,2
Образование	18,5	5,4	1,9	-0,5
Здравоохранение	15,8	4,4	2,7	1,2
Прочие услуги	5,7	2,8	1,2	0,5

* С учетом перехода на ОКВЭД-2.

Таблица 8. Изменение уровня занятости и профессиональной структуры занятости после достижения пенсионного возраста, %

	Женщины						Мужчины					
	2005			2017			2005			2017		
	53-54 лет	55-56 лет	Разниц а, п.п.	53-54 лет	55-56 лет	Разниц а, п.п.	58-59 лет	60-62 лет	Разниц а, п.п.	58-59 лет	60-62 лет	Разниц а, п.п.
Уровень занятости	72,9	58,0	-14,9	79,9	61,8	-18,0	66,3	47,0	-19,4	70,8	46,8	-24,0
Структура занятости:												
Руководители	7,7	7,1	-0,7	7,1	7,6	0,5	13,6	11,5	-2,1	9,4	10,8	1,4
Специалисты высшего уровня квалификации	20,2	21,9	1,7	27,4	28,2	0,7	14,1	18,1	4,0	13,1	15,8	2,7
Специалисты среднего уровня квалификации	19,8	21,0	1,2	16,6	16,6	0,0	7,4	7,3	-0,1	8,1	7,9	-0,2
Служащие	5,5	5,5	0,0	5,6	5,3	-0,3	0,8	0,5	-0,3	1,0	1,0	0,0
Работники сферы обслуживания	13,7	11,6	-2,0	19,0	18,6	-0,4	5,1	4,0	-1,1	7,4	8,3	0,9
Работники сельского хозяйства	4,7	5,8	1,1	2,7	2,8	0,1	3,3	8,7	5,4	3,1	3,6	0,6
Квалифицированные рабочие	8,2	7,3	-0,9	5,6	5,6	0,0	25,9	24,4	-1,5	22,1	21,7	-0,4
Операторы	3,5	3,9	0,3	3,9	3,6	-0,3	20,8	13,6	-7,2	26,9	23,1	-3,8
Неквалифицированные рабочие	16,8	16,0	-0,8	12,0	11,7	-0,3	8,9	11,8	2,9	9,0	7,8	-1,2
Индекс диссимилиации			4,4			1,4			12,3			5,6

Таблица 9. Изменение отраслевой структуры занятости после достижения пенсионного возраста, %

	Женщины						Мужчины					
	2005			2017			2005			2017		
	53-54 лет	55-56 лет	Разниц а, п.п.	53-54 лет	55-56 лет	Разниц а, п.п.	58-59 лет	60-62 лет	Разниц а, п.п.	58-59 лет	60-62 лет	Разниц а, п.п.
Сельское хозяйство и рыболовство	8,0	8,1	0,0	4,8	4,6	-0,2	11,7	14,3	2,7	10,6	10,5	-0,1
Добыча полезных ископаемых	0,8	0,9	0,1	0,7	0,8	0,2	1,7	1,3	-0,4	2,8	2,3	-0,5
Обрабатывающие производства	17,6	19,8	2,1	13,0	12,8	-0,2	24,9	26,9	2,0	18,4	18,1	-0,2
Электроэнергия, газ, вода	2,3	2,2	-0,1	2,8	2,6	-0,2	5,3	7,0	1,7	7,1	7,2	0,1
Строительство	3,5	3,3	-0,2	2,3	1,8	-0,6	9,8	7,6	-2,2	10,7	9,3	-1,4
Торговля, ремонт автотранспорта	12,5	11,0	-1,6	16,1	15,8	-0,3	5,7	5,0	-0,7	7,5	7,0	-0,5
Гостиницы и рестораны	2,7	2,7	-0,1	3,6	3,7	0,1	0,7	0,2	-0,4	0,7	0,8	0,2
Транспорт и связь	6,6	6,4	-0,2	5,7	5,7	0,0	12,2	8,4	-3,9	15,0	13,5	-1,5
Финансовая деятельность	1,6	1,1	-0,5	1,7	1,6	-0,1	0,5	0,6	0,1	0,6	0,7	0,1
Недвижимость, деловые услуги	6,9	6,8	0,0	5,6	6,5	0,9	10,1	8,7	-1,4	9,4	11,2	1,8
Государственное управление	5,5	5,0	-0,6	5,5	5,7	0,2	5,0	4,2	-0,8	5,3	5,8	0,5
Образование	15,6	15,0	-0,7	17,9	17,8	-0,1	6,9	7,6	0,7	5,2	6,8	1,6
Здравоохранение	12,0	13,7	1,8	14,8	15,2	0,3	3,2	5,5	2,3	4,0	4,1	0,1
Прочие услуги	4,3	4,2	0,0	5,5	5,5	0,0	2,3	2,6	0,4	2,9	2,7	-0,2
Индекс диссимилиации			4,0			1,7			9,9			4,4

Таблица 10. Изменение профессиональной структуры занятости за 10 лет внутри условных когорт, п.п.

	Все население				Женщины				Мужчины			
	Возраст в 2015 г., лет											
	50-54	55-59	60-64	65-69	50-54	55-59	60-64	65-69	50-54	55-59	60-64	65-69
Руководители	2,3	1,7	0,7	-1,7	1,9	1,4	0,1	-1,6	2,9	1,6	1,1	-1,0
Специалисты высшего уровня квалификации	0,8	1,3	2,5	-0,5	0,9	2,2	2,2	-4,2	0,4	1,3	3,3	2,5
Специалисты среднего уровня квалификации	0,5	-0,1	-1,1	-1,9	0,6	0,8	-1,7	-4,7	0,1	0,3	0,2	-0,5
Служащие	0,0	-0,6	-0,9	-0,8	-0,2	-0,7	-1,6	-2,0	0,1	0,0	0,2	-0,1
Работники сферы обслуживания	-0,2	-0,1	0,4	1,2	-0,4	0,1	-1,7	-0,9	-0,3	0,9	3,1	2,9
Работники с/х	-0,6	0,1	4,7	14,4	-0,8	0,7	5,7	14,5	-0,3	-0,5	3,9	14,0
Квалифицированные рабочие	-2,5	-2,9	-5,9	-9,2	-2,3	-3,9	-5,3	-4,3	-2,2	-3,7	-7,7	-12,0
Операторы	-0,8	0,0	-3,2	-6,8	-0,4	-1,9	-2,0	-2,0	-0,6	-0,4	-5,7	-9,8
Неквалифицированные рабочие	0,5	0,7	2,8	5,2	0,7	1,4	4,3	5,3	0,0	0,7	1,6	4,0

Таблица 11. Изменение отраслевой структуры занятости за 10 лет внутри условных когорт, п.п.

	Все население				Женщины				Мужчины			
	Возраст в 2015 г., лет											
	50-54	55-59	60-64	65-69	50-54	55-59	60-64	65-69	50-54	55-59	60-64	65-69
Сельское хозяйство и рыболовство	-2,7	-1,9	1,6	11,8	-2,1	-1,1	3,8	13,7	-3,1	-3,3	-0,9	10,2
Добыча полезных ископаемых	0,3	-0,4	-1,0	-0,9	-0,1	-0,5	-0,6	-0,5	0,8	-0,5	-1,5	-1,2
Обрабатывающие производства	-2,8	-4,1	-7,5	-11,1	-3,3	-6,1	-9,7	-11,2	-2,2	-2,6	-5,7	-9,8
Электроэнергия, газ, вода	1,1	1,1	0,3	-0,3	0,4	0,1	-0,3	-0,6	1,8	1,9	0,6	0,5
Строительство	0,3	-0,4	-1,6	-3,3	0,1	-1,1	-1,1	-1,7	0,8	-0,7	-2,7	-4,1
Торговля, ремонт автотранспорта	-1,8	-0,9	-1,0	-1,0	-1,4	0,3	-1,6	-1,6	-2,4	-1,4	0,1	-0,9
Гостиницы и рестораны	0,7	0,0	0,0	-0,4	1,0	0,3	0,1	-0,8	0,2	0,0	0,0	-0,2
Транспорт и связь	-0,2	-0,1	-2,4	-4,6	-0,7	-1,5	-3,6	-2,9	0,6	0,4	-1,6	-5,5
Финансовая деятельность	0,0	-0,3	-0,2	0,0	0,0	-0,2	-0,3	0,1	0,1	-0,2	0,0	-0,3
Недвижимость, деловые услуги	0,8	1,9	2,6	1,0	0,0	1,2	1,1	-0,5	1,7	2,4	4,0	2,9
Государственное управление	-0,5	0,1	-0,1	-1,2	-0,1	0,1	-0,9	-1,6	-1,0	0,1	0,7	-0,6
Образование	1,4	1,7	3,4	3,9	1,6	3,1	4,8	2,1	0,9	1,5	2,8	4,4
Здравоохранение	2,5	2,3	4,1	3,7	3,4	4,2	6,0	3,2	1,2	1,5	2,9	2,6
Прочие услуги	0,9	1,1	1,8	2,3	1,2	1,3	2,3	2,1	0,6	1,0	1,4	2,0

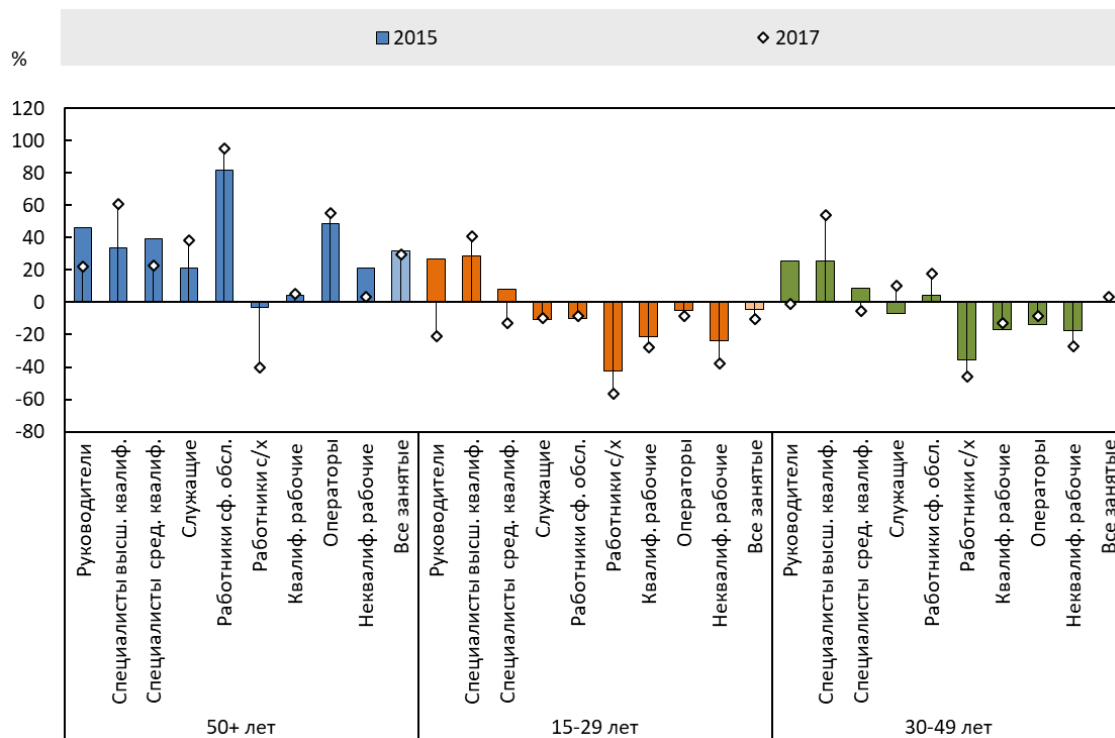

Рис. 1. Изменение численности занятых по профессиональным и возрастным группам, % к 2005 г.

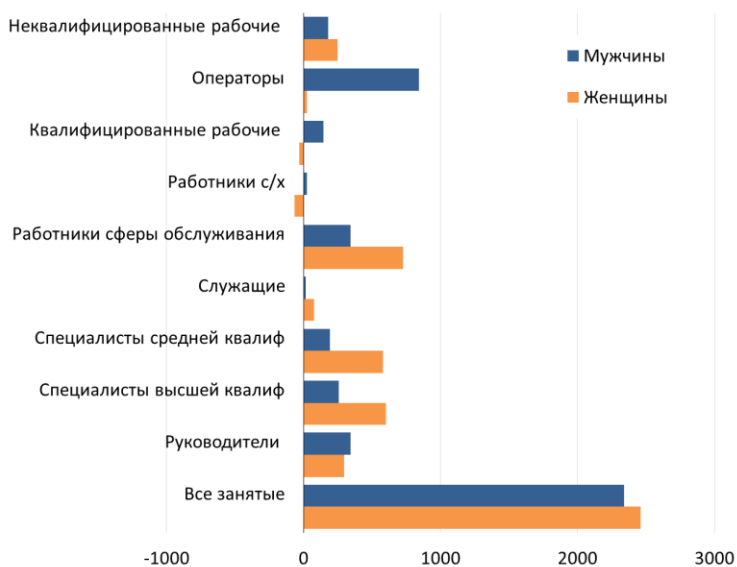

Рис. 2. Изменение численности занятых в возрасте 50–72 лет по полу и профессиональным группам (2005–2015 гг.), тыс. чел.

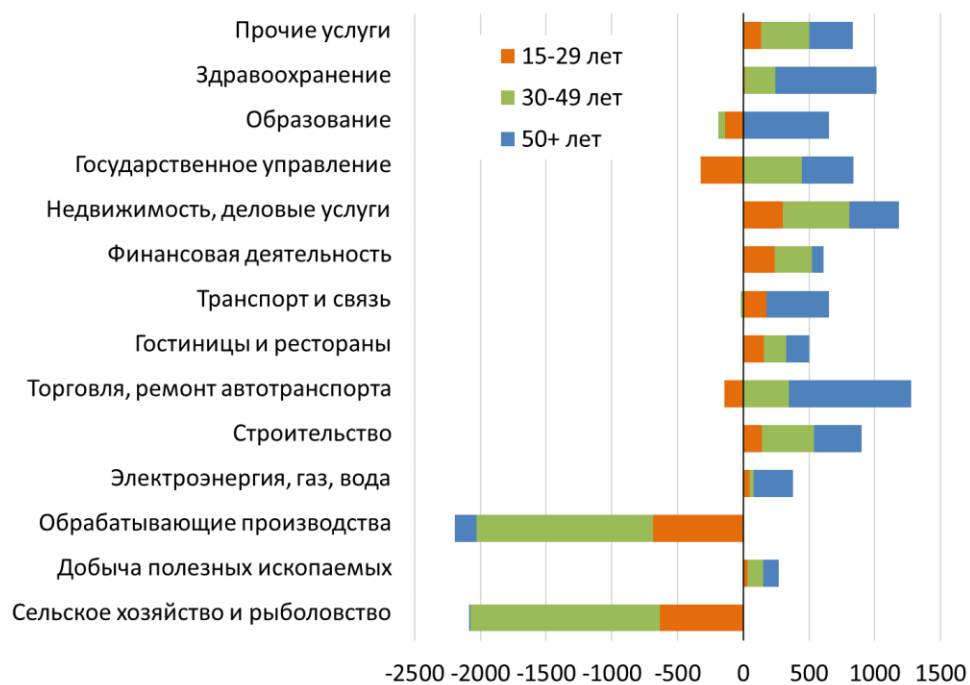

Рис. 3. Изменение численности занятых по видам деятельности и возрастным группам (2005–2015 гг.), тыс. чел.

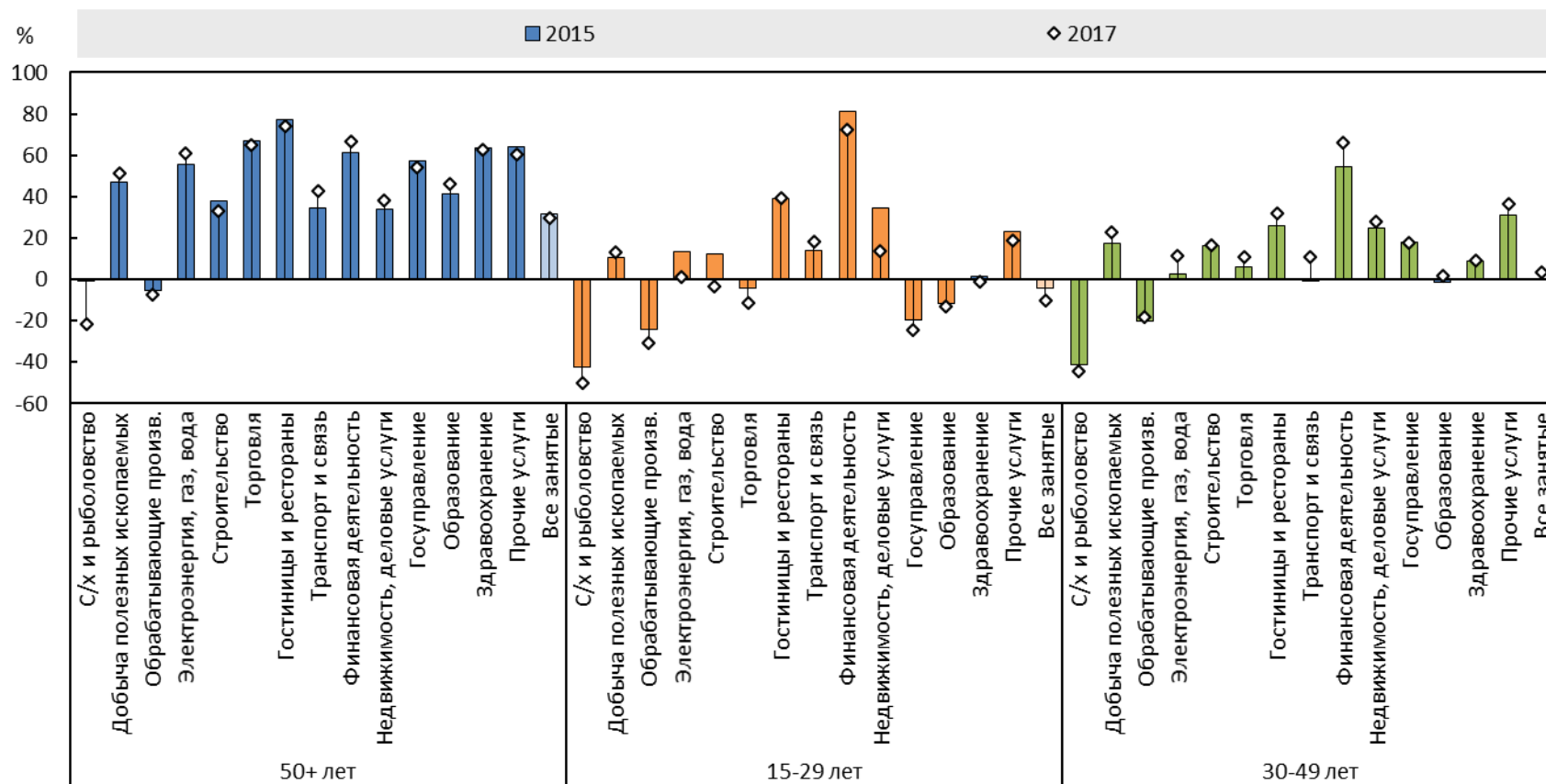

Рис. 4. Изменение численности занятых по видам деятельности и возрастным группам в % к уровню 2005 г.

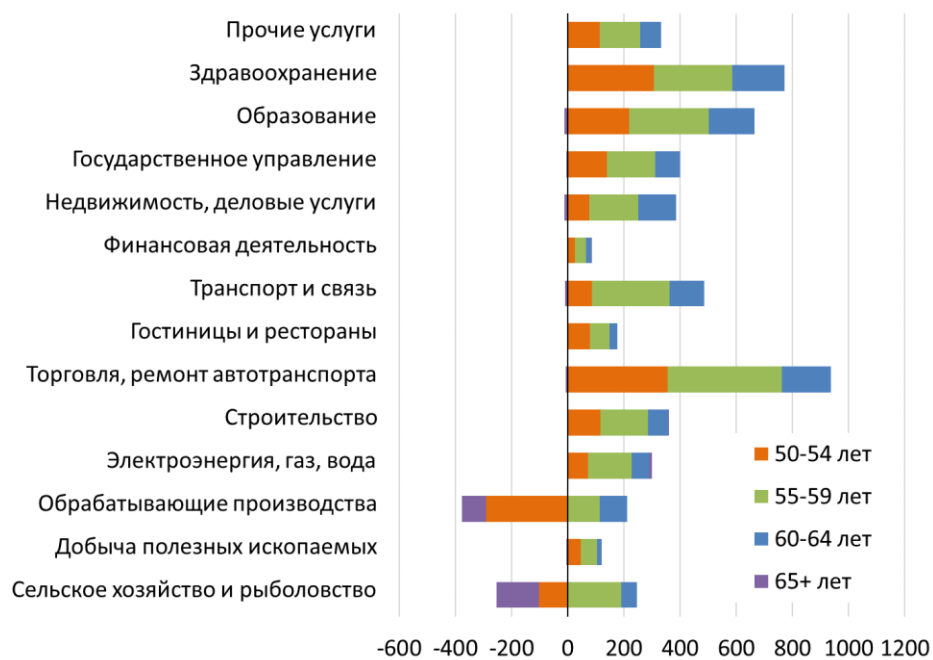

Рис. 5. Изменение численности занятых старше 50 лет по видам деятельности и 5-летним возрастным группам (2005–2015 гг.), тыс. чел.

Lukyanova Anna, Kapeliushnikov Rostislav.

Older workers in the Russian labor market: industrial and occupational composition of employment [Electronic resource] : Working Paper WP3/2019/04 / A. Lukyanova, R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. Electronic text data (1 Mb). — Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. — (Series WP3 “Series WP3 “Labour Markets in Transition”). — 39 p. (In Russian.)

The paper analyses changes in job opportunities of older workers in Russia in the period 2005–2017. The study uses the data from the Russian Labor Force Survey conducted by Rosstat. Changes in the occupational and industrial structure of employment of the elderly follow the trends demonstrated by other age groups: shifts from low- to high-skilled occupations, from physical to intellectual labor, and from material production to the service sector. We find a stronger polarization among older workers as their occupational structure is biased in favor of, on the one hand, the most and, on the other hand, the least qualified types of jobs. Employment of the elderly has fallen sharply in agriculture and manufacturing with a significant increase in trade, education, and health. Although the employment structure of older workers is generally more “traditionalist”, recent decades have witnessed its transformation in “progressive” directions, similarly to other age groups. These findings suggest that the legislated increase in the state pension age is not likely to give rise to sizeable unemployment among the elderly. Most of them will be able to work in the occupations and industries previously dominated by young and prime-age workers.

Keywords: ageing, older workers, employment and retirement, occupations, industrial composition of employment

JEL: J14, J21, J24

Anna Lukyanova, Centre for Labour Market Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Corresponding author. E-mail: alukyanova@hse.ru.

Rostislav Kapeliushnikov, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS (Moscow, Russia); Centre for Labour Market Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Препринт WP3/2019/04
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Лукьянова Анна Львовна, Капелюшников Ростислав Исаакович

**Отраслевая и профессиональная структура занятости
российских работников предпенсионного
и пенсионного возраста**

Изд. № 2098